ПЕНЗЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 и 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Пензенской Семинаріи

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей съ пересылкою и доставкою 5 руб.

1 Іюля. № 13. 1878 г.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 9-го марта 25-го апрѣля 1878 года за № 31, по жалобѣ мѣщанина Киркина на постановленіе калужскаго губернскаго правленія о воспрещеніи носить ему форменную одежду.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали вѣдѣніе Правительствующаго Сената, отъ 22 ноября 1877 года, № 37071, въ которомъ изложено слѣдующее: По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ разсматривалъ дѣло по жалобѣ мѣщанина Киркина на постановленіе калужскаго Губернскаго Правленія о воспрещеніи ему, Киркину, по должности церковнаго старосты носить фуражку съ кокардой. Дѣло это состоитъ въ слѣдующемъ: мѣщанинъ Киркинъ принесъ въ Правительствующій Сенатъ жалобу

въ которой объяснилъ, что при вступленіи его въ должность церковнаго старосты Крестовоздвиженской церкви въ городѣ Боровскѣ, онъ счелъ долгомъ, въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 19 октября 1868 года, обмундироваться классным мундиромъ и принадлежащими къ нему, какъ указано въ приложеніи къ 975 ст. III т. Уст. о служб. гражд. статьями 25, 30 и 40, трехъугольною шляпою, шпагою и форменною фуражкою духовнаго вѣдомства, съ кокардою, но полиція г. Боровска, именно: надзиратель Волковичъ счелъ это поступкомъ незаконнымъ съ его стороны и предалъ съ своимъ актомъ, чрезъ судебнаго слѣдователя, калужскому Окружному Суду, который, разсмотрѣвъ его, просителя, право и Высочайшее повелѣніе, слѣдствіе прекратилъ. Вслѣдствіе же жалобы Киркина на слѣдственныя дѣйствія полиціи, прокуроръ Суда поступки надзирателя Волковича, вмѣстѣ съ объясненіемъ послѣдняго, передалъ на распоряженіе губернатора, который препроводилъ какъ жалобу, такъ и объясненіе для разсмотрѣнія въ Губернское Правленіе; послѣднее, сообразивъ дѣло съ 975 ст. Уст. о службѣ отъ Правит., 30, 33, 36 и 190 § полож. о формѣ одежд. гражд. чиновъ въ Имперіи, 426 и 434 ст. Уст. о служб. по выборамъ, нашло: 1) что по силѣ 975 ст. лица, состоящія на службѣ, носятъ въ опредѣленныхъ случаяхъ одежду различныхъ формъ, а въ особомъ приложеніи къ этой статьѣ подробно описаны какъ всѣ установленныя для служащихъ по гражданскому вѣдомству различныя формы, такъ равно и указаны дни и случаи ношенія оныхъ; 2) что право носить форменныя фуражки съ кокардою 30 и 33 § означ. прилож. предоставлено только штатнымъ чиновникамъ всѣхъ классовъ, канцелярскимъ чиновникамъ, незанимающимъ штатныхъ должностей, и канце-

лярскимъ служителямъ изъ дворянъ; прочіе же канцелярскіе служители лишены этого права (36 § того же полож.); 3) что хотя лицамъ, замающимъ должности, замѣщаемыя по выбору купечества и мѣщанства, 190 § прилож. къ 975 ст., присвоиваются полукафтаны по классамъ, но головнаго форменнаго убора имъ никакого не предоставлено; 4) что по силѣ 426 и 434 ст. Уст. о службѣ по выборамъ, купцы и мѣщане, служащіе по городскимъ выборамъ, хотя и считаются въ томъ классѣ, въ которомъ значится должность по росписанію, но только за урядъ; т. е. на время пребыванія въ оной, безъ присвоенія имъ по сему классу чина, причемъ имъ предоставляется право носить мундиръ по разрядамъ ихъ, въ порядкѣ, опредѣленномъ положеніемъ о граждаскихъ мундирахъ и 5) что въ Высочайше утвержденномъ 19 октября 1868 г. докладѣ и. д. синодальнаго Оберъ-Прокурора объ установленіи формы одежды для церковныхъ старостъ нѣтъ указанія на то, чтобы церковные старосты, при ношеніи форменной одежды, пользовались какими либо особенными правами сверхъ установленныхъ общимъ закономъ. Въ виду сихъ соображеній и изъ сопоставленія 426 и 434 ст. III Т. Уст. о службѣ. по выборамъ съ 30, 33 и 36 § полож. о формѣ одежды гражд. чинов., Губернское Правленіе пришло къ тому заключенію, что мѣщанинъ Киркинъ, состоя церковнымъ старостою, какъ не имѣющій дѣйствительнаго класснаго чина, не имѣетъ права при мундирѣ и безъ онаго носить какой либо головной уборъ, присвоенный однимъ лишь класснымъ чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ изъ дворянъ, равнымъ образомъ и носить мундиръ внѣ указанныхъ въ законѣ дней и случаевъ. А такъ какъ по силѣ 2528, 2539 и 2654 ст. II Т. Общ. Губ. учр., на обязанности полиціи лежитъ наблюде-

ніе за точнымъ исполненіемъ законовъ, то за симъ составленіе полицейскимъ надзирателемъ Волковичемъ акта о ношеніи мѣщаниномъ Киркинымъ фуражки съ кокардою Губернское Правленіе признало правильнымъ. Вслѣдствіе чего Губернское Правленіе опредѣлило: жалобу Киркина оставить безъ послѣдствій. Затѣмъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, при вѣдѣніи, препроводилъ въ Правительствующій Сенатъ просьбу Киркина, въ которой онъ, излагая тѣ же обстоятельства, которыя приведены были имъ въ жалобѣ Правительствующему Сенату, жаловался кромѣ того на мѣстное епархіальное начальство, воспретившее ему носить вовсе фуражку съ кокардой, причемъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ проситъ о послѣдующемъ увѣдомленія, для соотвѣтственнаго предписанія калужскому епархіальному начальству. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и имѣя въ виду 1) что полицейскій надзиратель Волковичъ, составивъ актъ, съ препровожденіемъ онаго судебному слѣдователю, о томъ, что Киркинъ, какъ принадлежащій къ податному состоянію, присвоилъ себѣ недозволенное ему закономъ право носить фуражку съ кокардой (прилож. къ 975 ст. III Т. §§ 30, 33, 36 и 190), поступилъ въ точное исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей и 2) что постановленіе калужскаго Губернскаго Правленія, признавшее дѣйствія Волковича согласными съ закономъ и съ тѣмъ вмѣстѣ воспретившее Киркину носить вышеозначенную фуражку, точно также является совершенно правильнымъ, какъ согласное съ точнымъ смысломъ приведенныхъ въ основаніе онаго законовъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что жалоба Киркина на означенное постановленіе Губернскаго Правленія не заслуживаетъ уваженія, а потому опредѣляетъ: оную оставить безъ послѣдствій. Приказали: Въ предотвращеніе случаевъ, подоб-

ныхъ настоящему, и въ разъясненіе правилъ о порядкѣ ношенія церковными старостами установленной форменной для нихъ одежды, изъясненное постановленіе Правительствующаго Сената по жалобѣ мѣщанина Киркина напечатать въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ для свѣдѣнія духовному вѣдомству.

Отъ 3-го—17-го мая 1878 г., за № 687, по вопросу о порядкѣ перемѣщенія помощниковъ смотрителей духовныхъ училищъ изъ одного училища на ту же должность въ другое училище.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный господиномъ синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, за № 66, по возбужденному въ правленіи данковскаго духовнаго училища вопросу о порядкѣ перемѣщенія помощниковъ смотрителей духовныхъ училищъ изъ одного училища на ту же должность въ другое училище. Приказали: Вакансіи помощниковъ смотрителей духовныхъ училищъ замѣщаются нынѣ двоякимъ образомъ: или правленія училищъ избираютъ кандидатовъ, которыхъ утверждаютъ епархіальные преосвященные, или, за неимѣніемъ кандидатовъ съ академическимъ образованіемъ у училищныхъ правленій, означенныя вакансіи замѣщаются управленіемъ духовно-учебнаго вѣдомства. Между тѣмъ выборъ на вакансію помощника смотрителя въ одно училище наличнаго помощника смотрителя другого училища имѣетъ значеніе не избранія на новую должность, а перемѣщенія на ту же должность изъ одной мѣстности въ другую. Сверхъ сего частыя перемѣны на должностяхъ помощниковъ смотрителей училищъ, вслѣдствіе перемѣщенія занимающихъ сіи должности лицъ, могутъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія для

духовныхъ училищъ, такъ какъ на помощниковъ смотрителей возложено уставомъ не только преподаванiе одного изъ предметовъ училищнаго курса, но и участiе, подъ руководствомъ смотрителя, въ завѣдываніи учебно-воспитательною и хозяйственною частями въ училищѣ. На семъ основании и переходъ академическихъ воспитанниковъ съ должностей помощниковъ смотрителей на преподавательскую службу въ семинарiяхъ дозволяется, по установленнымъ Святѣйшимъ Синодомъ 18-го марта—1-го апрѣля 1876 г. правиламъ, не ранѣе двухъ лѣтъ по вступленiи на училищную службу. Но съ другой стороны могутъ быть случаи, когда польза какъ училищнаго дѣла, такъ и самыхъ помощников[ъ] смотрителей, требуетъ перемѣщенiя ихъ съ одного мѣста на другое. По симъ соображенiямъ Святѣйшiй Синодъ, согласно съ заключенiемъ Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: перемѣщенiе помощниковъ смотрителей изъ однихъ училищъ въ другiя допускать, по особо уважительнымъ причинамъ, только административнымъ порядкомъ, а именно: 1) Помощникъ смотрителя, желающiй перейти изъ одного училища въ другое училище той же епархiи, входитъ съ просьбою о томъ и съ изъясненiемъ причинъ предполагаемаго перемѣщенiя къ мѣстному преосвященному, который, по соображенiи съ состоянiемъ наличнаго состава служащихъ и съ другими обстоятельствами состоящихъ подъ его вѣдѣнiемъ училищъ, перемѣщаетъ просителя или отказываетъ ему въ его просьбѣ. 2) На семъ же основанiи и сами епархiальные преосвященные могутъ, при открывшейся необходимости, перемѣщать помощниковъ смотрителей изъ однихъ училищъ въ другiя, истребовавъ, предварительно таковаго перемѣщенiя, отзывы предназначенныхъ къ перемѣщенiю лицъ о ихъ согласiи на эту мѣру. 3) Если помощникъ смотрителя намѣренъ перейти въ училище другой

епархіи, то онъ входитъ съ просьбою о перемѣщеніи,— по предварительномъ заявленіи о томъ, примѣнительно къ цирк. ук. Синода отъ 8-го іюня 1872 г., № 35, мѣстному преосвященному, — къ епархіальному архіерею той епархіи, гдѣ открылось вакантное мѣсто, и отъ сего преосвященнаго, по установленномъ сношеніи съ преосвященнымъ, въ вѣдѣніи коего состоялъ проситель, будетъ зависѣть удовлетворить его просьбу или отказать въ оной. 4) Но таковыя перемѣщенія во всякомъ случаѣ могутъ быть допускаемы, примѣнительно къ циркулярному указу Святѣйшаго Синода отъ 12-го апрѣля 1874 г. № 20, и согласно Высочайше утвержденнымъ 15-го мая 1876 г. правиламъ, не ранѣе двухъ лѣтъ по вступленіи академическихъ воспитанниковъ на должность помощника смотрителя. Изложенныя въ настоящемъ опредѣленіи правила, для руководства и исполненія по духовному вѣдомству, сообщить епархіальнымъ преосвященнымъ циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Отъ 3-го—17-го мая 1876 г. за № 685, о томъ, могутъ ли быть помощники смотрителя въ духовныхъ училищахъ изъ академическихъ воспитанниковъ перемѣщаемы на должность помощника инспектора въ семинаріяхъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный господиномъ синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, за № 65, по возбужденному въ правленіи тульской духовной семинаріи вопросу о томъ, могутъ ли помощники смотрителя въ духовныхъ училищахъ изъ академическихъ воспитанниковъ перемѣщаемы на должность помощника инспектора въ семинаріяхъ, и если могутъ, то

какимъ порядкомъ. Приказали: Сообразивъ поставленный выше вопросъ съ Высочайше утвержденными 15-го мая и 26-го іюня 1876 года правилами (офиц. ч. „Церк. Вѣст. за 1876 г. стр. 198 и 250—251) о порядкѣ замѣщенія вакансій помощника смотрителя въ духовныхъ училищахъ и помощника инспектора въ семинаріяхъ, Святѣйшій Синодъ находитъ, что академическіе воспитанники, назначенные на первыя изъ сихъ вакансій, обязаны прослужить въ училищахъ не менѣе двухъ лѣтъ, а на мѣста помощника инспектора въ семинаріяхъ тѣ же воспитанники назначаются управленіемъ духовно-учебнаго вѣдомства, не подвергаясь предварительному трехмѣсячному испытанію въ исправленіи сей должности, установленному § 52 семинарскаго устава. Посему и признавая полезнымъ въ интересахъ учебно-воспитательнаго дѣла и самихъ частныхъ лицъ допустить перемѣщеніе помощниковъ смотрителя въ училищахъ на должности помощниковъ инспектора въ семинаріяхъ, Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: въ разрѣшеніе изложеннаго вопроса постановить на будущее время правиломъ, что если помощникъ смотрителя духовнаго училища—изъ окончившихъ курсъ со степенью кандидата богословія или съ званіемъ дѣйствительнаго студента воспитанниковъ духовныхъ академій пожелаетъ перейти, по истеченіи 2-хъ-лѣтняго срока училищной службы, на должность помощника инспектора въ семинаріи, то онъ можетъ быть перемѣщенъ на сію послѣднюю должность епархіальнымъ преосвященнымъ, безъ пробнаго трехмѣсячнаго испытанія, по представленію ректора и инспектора семинаріи, которые собираютъ объ упомянутомъ кандидатѣ необходимыя свѣдѣнія отъ его училищнаго начальства, если только эти свѣдѣнія окажутся одобрительными; а въ случаѣ, если кандидатъ

переходитъ изъ другой епархіи, то и по надлежащемъ сношеніи мѣстнаго преосвященнаго съ тѣмъ преосвященнымъ, въ вѣдѣніи коего онъ состоялъ прежде. Для руководства и исполненія по духовно-учебному вѣдомству настоящее опредѣленіе напечатать въ „Церковномъ Вѣстникѣ".

Отъ 3-го—17-го мая 1878 года, за №686, по отчетамъ о состояніи епархіальныхъ женскихъ училищъ за 1876—77 учебный годъ, съ заключеніемъ учебнаго комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный господиномъ синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, за № 75, по представленнымъ епархіальными преосвященными отчетамъ о состояніи епархіальныхъ женскихъ училищъ за 1876—77 учебный годъ. Приказали: Заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и сообщить, для руководства и исполненія, циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ" тѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ женскія епархіальныя училища.

Копія съ заключенія Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

Опредѣлено: По поводу заявленныхъ въ отчетахъ соображеній нѣкоторыхъ училищныхъ совѣтовъ относительно измѣненій въ постановкѣ учебной части, Учебный Комитетъ полагалъ бы сообщить циркулярно всѣмъ преосвященнымъ, въ вѣдѣніи которыхъ имѣются епархіальныя женскія училища, для предложенія къ руководству нижеслѣдующія распоряженія:

1) Въ виду послѣдовавшихъ заявленій со стороны совѣтовъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ училищъ о томъ, что многія

воспитанницы, поступающія въ училища 9 лѣтъ, не успѣваютъ слѣдовать за курсомъ наравнѣ съ сверстницами, поступающими въ училища годомъ или двумя старше ихъ, предоставить совѣтамъ право принимать только такихъ дѣвицъ, которыя, удовлетворяя условіямъ § 78 Уст., вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ достаточнымъ физическимъ и умственнымъ развитіемъ для безпрепятственнаго слѣдованія за курсомъ; тѣхъ же дѣвицъ, которыя, будучи приняты въ училище, по молодости лѣтъ затрудняются слѣдовать за курсомъ наравнѣ со сверстницами, непремѣнно оставлять на повторительные уроки.

2) Такъ какъ въ разныхъ училищахъ по различнымъ причинамъ можетъ встрѣтиться затрудненіе оканчивать курсъ по извѣстному предмету въ томъ или другомъ классѣ при назначенномъ по программѣ числѣ уроковъ, каковое затрудненіе можетъ быть устраняемо или прибавкою одного лишняго урока или переноса урока изъ одного класса въ другой, то предоставить училищнымъ совѣтамъ съ разрѣшенія преосвященныхъ переносить одинъ урокъ по какому либо предмету изъ одного класса въ другой или прибавлять лишній урокъ по какому либо предмету, наблюдая при таковыхъ измѣненіяхъ въ распредѣленіи уроковъ, чтобы общее число уроковъ въ каждомъ классѣ не превышало установленной для каждаго класса нормы болѣе, чѣмъ на два урока въ недѣлю. О всѣхъ таковыхъ измѣненіяхъ въ распредѣленіи уроковъ въ извѣстномъ учебномъ году слѣдуетъ представлять свѣдѣнія въ годовыхъ отчетахъ.

3) Для устраненія затрудненій относительно замѣны однихъ руководствъ другими, съ тѣмъ, чтобы выборъ руководствъ производился изъ числа учебниковъ, одобренныхъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ или Учебнымъ Комитетомъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія,

а также съ тѣмъ, чтобы замѣна одного руководства другимъ производилась только въ началѣ учебнаго курса. О перемѣнѣ руководствъ слѣдуетъ также вносить въ годовые отчеты.

4) Чтобы воспитанницы училищъ, проходя извѣстныя части наукъ, назначаемыя къ прохожденію въ извѣстныхъ классахъ, не забывали преждепройденнаго, рекомендовать преподавателямъ изыскивать всевозможныя средства и пользоваться каждымъ представляющимся случаемъ, чтобы оживлять въ памяти учащихся преждепройденное, и въ случаѣ нужды, отъ времени до времени, назначать особыя повторенія преждепройденныхъ частей.

5) Объявить училищнымъ совѣтамъ, что рекомендованное въ установленной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ по математической географіи руководства Арнгейма, которое нельзя было пріобрѣтать въ послѣднее время по неимѣнію его въ продажѣ, нынѣ вышло въ новомъ исправленномъ изданіи.

НАГРАДЫ ДУХОВНЫМЪ ЛИЦАМЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Въ 15 день апрѣля 1878 года Высочайше награждены— *камилавками*: города Чембара, Покровской церкви, прот. Георгій Студенскій, города Пензы, Троицкаго женскаго монастыря, свящ. Василій Маловскій, города Саранска, Успенской церкви, свящ. Симеонъ Соколовъ и нижнеломовскаго уѣзда села Атмиса священникъ Петръ Пальмовъ.

Удостоены благословенія Св. Синода: а) съ грамотою— города Пензы, Спасскаго каѳедральнаго собора, протодіаконъ Іосифъ Разумовскій и города Пензы, Покровской церкви діаконъ Іоаннъ Кастальскій, и б) безъ грамотъ—города

Пензы, каөедральнаго собора, священникъ Алексѣй Агаревъ и пензенскаго уѣзда, церкви села Терновки, священникъ Павелъ Гомеровъ.

ОТЧЕТЪ

О ПРИХОДѢ, РАСХОДѢ И ОСТАТКѢ СУММЪ ПО СОДЕРЖАНІЮ КРАСНОСЛОБОДСКАГО ДУХОВНАГО УЧИЛИЩА ЗА 1877 Г.

Б., Расходъ.

Изъ суммы, поступившей въ число смѣтнаго назначенія на содержаніе краснослободскаго духовнаго училища употреблено:

§ 1. На содержаніе лицъ начальствующихъ и учащихъ ассигновано по смѣтѣ 4343 руб. 60 коп., израсходовано 4283 р. 62$^1/_2$ к.

Подробный расходъ этой суммы показанъ въ прилагаемомъ счетѣ № 1.

Противъ смѣтнаго назначенія употреблено менѣе на 59 р. 97$^1/_2$ к., изъ коихъ 17 р. 50$^1/_2$ к. остались по случаю временнаго незамѣщенія одной учительской должности, а 42 р. 47 к. вычтены изъ жалованья вновь поступившаго учителя взамѣнъ сбора за чины, на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 28 августа 1873 г. (п. 9) и на основаніи опредѣленія училищнаго правленія отъ 6 сентября 1877 года за № 51.

§ 2. На содержаніе воспитанниковъ ассигновано 1928 р. 22$^1/_2$ коп., израсходовано 2161 р. 34$^1/_2$ к.

Въ томъ числѣ 177 р. 62 коп. употреблены на выдачу денежныхъ пособій бѣднымъ воспитанникамъ и 1983 р. 72$^1/_2$ к. израсходованы на содержаніе казеннокоштныхъ и своекоштныхъ пансіонеровъ, содержавшихся въ училищномъ

общежитіи. Подробный расходъ этой суммы показанъ въ прилагаемомъ счетѣ № 2.

За вычетомъ 45 рублей, употребленныхъ на выдачу пособій не по смѣтному назначенію краснослободскаго училищнаго правленія, а высланныхъ на сей предметъ правленіемъ пензенскаго училища по опредѣленію послѣдняго, на содержаніе воспитанниковъ употреблено противъ смѣтнаго назначенія болѣе на 188 р. 12 коп.,—потому, что вмѣстѣ съ казеннокоштными воспитанниками содержались при училищѣ своекоштные пансіонеры, съ которыми количество содержавшихся при училищѣ учениковъ превышало штатную ихъ норму. Если внесенную пансіонерами сумму 1141 р. 55 к. (см. ст. 4 сверхсмѣтнаго прихода) присовокупить къ смѣтной суммѣ, назначенной на содержаніе воспитанниковъ, то на содержаніе послѣднихъ употреблено противъ смѣтнаго назначенія менѣе на 953 р. 43 к.—оттого, что а., полнокоштныхъ воспитанниковъ и получившихъ пособіе было менѣе, чѣмъ сколько ихъ предполагалось смѣтою и что б, нѣкоторые запасы по содержанію воспитанниковъ покупались по цѣнѣ низшей предположенной смѣтою.

§ 3. На ремонтъ и содержаніе дома и прислуга, на отопленіе, освѣщеніе и другія потребности по дому ассигновано 1449 р. 70 к., израсходовано 1180 р. 2 к. Подробный расходъ этой суммы показанъ въ прилагаемомъ счетѣ № 3-й.

Противъ смѣтнаго назначенія употреблено менѣе на 269 р. 68 к., каковой остатокъ образовался отъ экономическаго сбереженія.

§ 4. На канцелярскіе расходы ассигновано 40 руб., израсходовано 29 р. 30 к.

Подробный расходъ этой суммы показанъ въ прилагаемомъ счетѣ № 4.

Противъ смѣтнаго назначенія употреблено менѣе на 10 р. 70 копѣекъ, каковой остатокъ составился отъ экономическаго сбереженія.

§ 5. На библіотеку ассигновано 60 р., израсходовано 72 р. 99 к.

Противъ смѣтнаго назначенія употреблено болѣе на 12 р. 99 к., каковая передержка, на основаніи утвержденнаго Его Преосвященствомъ опредѣленія училищнаго правленія, отъ 13 іюля 1877 года за № 35, покрыта изъ остаточной отъ 1876 года библіотечной суммы.

§ 6. На жалованье надзирателю 300 р.

§ 7. На жалованье эконому 60 р.

§ 8. На жалованье письмоводителю 84 р.

Итого ассигновано 8265 р. 52 1/2 к.

Израсходовано 8171 р. 28 к.

II. Поступило въ расходъ на издержки, не вошедшія въ смѣтное назначеніе: 1) на выписку учебныхъ продажныхъ книгъ 121 р. 53 к.

Расходъ сей производился изъ особой суммы, собранной на этотъ предметъ съ духовенства училищнаго округа въ 1868 г.

2. При пересылкѣ 25 р. денежнаго пособія 2-мъ ученикамъ пенз. дух. училища уплачено страховыхъ и за росписку почт. конторы 30 коп.

3. Поступило въ обмѣнъ на билеты государственнаго казначейства для приращенія процентами 1378 р. 48 к.

Обмѣнъ сей сдѣланъ на основаніи утвержденнаго Его Преосвященствомъ опредѣленія училищнаго правленія отъ 5 апрѣля 1873 года за № 15.

4., Отосланы въ краснослободское уѣздное казначейство взятые взамѣнъ сбора за чины изъ жалованья вновь поступившаго учителя Гвоздева 42 р 47 к.

Расходъ сей произведенъ на основанiи, указанныхъ выше въ объясненiе къ § 1-му смѣтнаго расхода.

5., Возвращено удаленному изъ училищнаго общежитiя ученику Михаилу Орлову изъ пансiонернаго его взноса 17 р. 85 к.

Расходъ сей сдѣланъ на основанiи утвержденнаго Его Преосвященствомъ опредѣленiя училищнаго правленiя отъ 2 сентября 1877 года за № 50-мъ.

Итого 1561 р. 13 к.

III. Переходящихъ суммъ въ расходѣ 5 руб. 85 коп.

Подробно расходъ объясненъ въ прилагаемомъ счетѣ подъ литерою Б.

Всего въ 1877 году поступило въ расходъ 9738 р. 26 к. А за исключенiемъ всего расхода изъ суммы, показанной въ остаткѣ отъ 1876 года и въ приходѣ 1877 г., къ 1878 году осталось 3752 р. 50½ к.

Къ 1878 году осталось билетами Государственнаго Казначейства 2407 руб. 50 коп. и наличными деньгами 1345 р. ¾ к. Въ число остатка входитъ:

По § 1-му отъ Синодальной суммы 17 р. 50½ к.

Отъ суммы внесенной окружнымъ духовенствомъ 96 р. 38½ к., по § 2-му 1165 р. 86½ к., по § 3-му 291 р. 15 к., по § 4-му 48 р. 91 к., по § 5-му 45 руб. 58 к., по § 7-му 17 р. 50 к., по статьѣ 1 сверхсмѣтнаго расхода 174 р. 53½ к., по ст. 2-й сверхсмѣтнаго прихода 65 р. 85 коп., по ст. 5-й того же прихода 133 руб. 56 коп.

Переходящихъ суммъ 59 р. 15 к.

Высланныхъ на содержанiе училища въ 1878 г. 1636 р. 51 к.

Итого 3752 р. 65¼ к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Московской Синодальной книжной лавкѣ (на Никольской улицѣ) поступила въ продажу напечатанная новымъ изданіемъ книга Мѣсяцесловъ (Святцы) въ 8-ю д. листа церк. печ., съ кинов. по пониженной цѣнѣ, а именно: въ листахъ по 35 коп. (вмѣсто 45 коп.) въ переплетахъ бумажныхъ по 40 коп. (вмѣсто 50 коп.) и кожаномъ по 55 коп. (вмѣсто 65 коп. за экз.) Вѣсовыя деньги прилагаются за два фунта.

Отъ Совѣта Пенз. Епарх. женск. училища.

Опредѣленіемъ совѣта отъ 15-го іюня сего 1878 года постановлено: „для производства пріемныхъ испытаній дѣвицамъ, желающимъ поступить въ училище въ началѣ 187⁸/₉ учебнаго года назначить срокъ отъ 21-го по 25-е августа, о чемъ и объявить для свѣдѣнія духовенству пенз. епархіи.

Редакторы, преподаватели семинаріи: А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено цензурою. Пенза, 1 іюля 1878 г.
Цензоръ, ректоръ семинаріи, протоіерей С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.

ПЕНЗЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Іюля. № 13. 1878 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Взглядъ на происхожденіе суевѣрій и предразсудковъ *).

Опытъ историко-психологическаго объясненія.

Кто не знаетъ, до какой степени многосложно опутана духовно-нравственная жизнь нашего народа

*) Составлено на основаніи послѣднихъ новѣйшихъ изслѣдованій ученыхъ путешественниковъ о жизни, бытѣ и вѣрованіяхъ современныхъ дикихъ племенъ.

разными суевѣріями и предразсудками, и другими ложными представленіями,—да и не одного простаго народа, но и немалаго числа людей, стоящихъ выше его и по своему развитію, и по своему положенію. Кто, напримѣръ, незнаетъ народныхъ вѣрованій въ заговоры и разныя заклятія, или въ могущество и дѣйственность разныхъ талисмановъ въ родѣ сна Богородицы, Авгарева посланія,—такъ называемыхъ, ладонокъ и другихъ волшебныхъ привѣсокъ, а такъ же нѣкоторыхъ нарочито составленныхъ молитвъ, какъ особенно дѣйственныхъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ жизни,—кому, далѣе, неизвѣстна необозримая масса суевѣрныхъ примѣтъ и обычаевъ, или предзнаменованій разнаго рода, которыя еще доселѣ крѣпко держатся во многихъ классахъ общества, или, наконецъ, кому неизвѣстна эта пресловутая вѣра въ сны и гаданія разнаго рода, въ лѣшихъ и домовыхъ, въ дурной глазъ, или по древнему выраженію, въ призоръ очесъ и проч?..... Вообще, кому неизвѣста эта миѳическая настроенность народа, по которой онъ гововъ вѣритъ самымъ чудовищнымъ нелѣпостямъ, какъ дѣйствительнымъ фактамъ,—по которой онъ съ искреннею вѣрою слушаетъ другихъ и потомъ самъ разсказываетъ, напримѣръ, о битвѣ іерусалимскихъ иконъ съ греческими, измышляетъ разныя другія чудеса, или же окружаетъ благоговѣйнымъ почетомъ такихъ пройдохъ, которые дерзаютъ выдавать себя даже за Самаго Іисуса Христа (См. Пенз. Епарх. Вѣдом. за 1875 г. № 12). Надобно ли говорить, какое тяжелое впечатлѣніе должны производить на всякаго образованнаго человѣка всѣ изчисленные нами недостатки духовной жизни народа, особенно въ виду того, что онъ уже

другую тысячу лѣтъ носитъ христіанское имя и несмотря на то все еще находится подъ вліяніемъ древняго язычества; но это впечатлѣніе будетъ еще тяжелѣе, когда мы узнаемъ, что многія изъ указанныхъ нами народныхъ вѣрованій, какъ напримѣръ, вѣрованіе въ сны и примѣты, заговоры и въ исключительную дѣйственность извѣстныхъ молитвъ, въ домовыхъ и прочихъ находятъ себѣ мѣсто даже у тѣхъ, хотя весьма немногихъ, которые всего бы болѣе должны были вооружаться противъ этихъ вѣрованій. Какъ все это ни странно; но означенныя вѣрованія до того глубоко засѣли у многихъ въ душѣ, что слишкомъ трудно бываетъ разубѣдить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разубѣдить напримѣръ, такихъ людей, которые на всѣ ваши доводы и объясненія будутъ говорить вамъ, что мало ли еще въ мірѣ есть вещей таинственныхъ, непостижимыхъ, которыя умъ человѣческій только потому отвергаетъ, что понять ихъ не можетъ, а потомъ въ оправданіе этой общей фразы приведутъ вамъ такіе живые примѣры, противъ которыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ весьма трудно сказать что либо для нихъ убѣдительное. Такъ, начнете вы говорить о нелѣпости вѣрованія въ заговоры и разныя заклятія, а вамъ, напротивъ, представятъ живой примѣръ всей ихъ дѣйственности,—скажутъ, что они помнятъ одного человѣка, который зналъ такую заклинательную молитву отъ пожара и огня, что всегда и вездѣ гдѣ бы ни случался пожаръ, онъ прекращалъ его тотъчасъ, какъ только являлся на мѣсто пожара и читалъ свое заклинаніе,—причемъ, даже, будто такъ случалось, что если заклинатель проходилъ чрезъ зданіе уже объятое пламенемъ, то послѣднее не распро-

странялось далѣе того мѣста, гдѣ прошелъ заклинатель, отъ чего иное зданіе сгорало только на половину. Точно также трудно говорить и противъ другихъ суевѣрныхъ вѣрованій, когда люди, раздѣляющіе ихъ, сами выставляютъ себя очевидцами и свидѣтелями всей дѣйственности этихъ вѣрованій. При такомъ положеніи дѣла, что же надобно предпринять для искорененія столь печальныхъ явленій нашей духовно-нравственной жизни? То обстоятельство, что многія изъ народныхъ суевѣрныхъ представленій раздѣляются и нѣкорыми людьми, выше его стоящими, слишкомъ важно, чтобы означенныя явленія пройти молчаніемъ и не попытаться объяснить ихъ настоящій смыслъ и происхожденіе; но съ другой стороны для этой цѣли недостаточно будетъ, если мы означенныя вѣрованія народныя объяснимъ вообще языческими остатками отъ того времени, когда нашъ народъ еще жилъ въ лѣсу и занимался звѣроловствомъ, или когда перешелъ къ пастушескому и земледѣльческому быту,— недостаточно доказать, что всѣ означенныя явленія народной духовной жизни противны духу христіанства и несообразны съ званіемъ христіанина. Нѣтъ,—для полнаго уясненія себѣ происхожденія и характера означенныхъ явленій духовной жизни народа съ цѣлію ихъ искорененія лучше всего, по нашему мнѣнію, могло бы служить возможно-обстоятельное и систематическое изслѣдованіе того, въ какомъ историческомъ порядкѣ и на основаніи какихъ психологическихъ данныхъ развивались, по крайней мѣрѣ, главныя и существенныя начала славяно-русскаго язычества и въ какихъ формахъ проявлялись онѣ въ жизни. При такомъ характерѣ

изслѣдованія каждая частность, каждая подробность, или, иначе, говоря, каждое вѣрованіе народное, каждый обычай и обрядъ почерпаютъ все свое значеніе не сами по себѣ, но отъ цѣлой системы народныхъ вѣрованій, такъ что взятыя отдѣльно отъ нея онѣ уже теряютъ всякій смыслъ свой. Стало быть, при такомъ способѣ объясненія указанныхъ нами народныхъ суевѣрныхъ понятій и представленій нужно бы только быть безпристрастнымъ и внимательнымъ, чтобы вполнѣ и ясно усвоить себѣ ихъ настоящій смыслъ и значеніе.—Такое изслѣдованіе славяно-русскаго язычества полезно было бы и въ томъ отношеніи, что объяснивъ тотъ уровень духовно-нравственнаго развитія нашихъ предковъ, который они имѣли предъ явленіемъ у нихъ христіанства,—объяснивъ, такъ сказать, ту духовную почву народнаго міросозерцанія, которую успѣла подготовить исторія къ тому времени, когда стали сѣять на этой почвѣ сѣмя евангелія, оно тѣмъ самымъ уяснило бы намъ и то, отъ чего нашъ народъ досслѣ продолжаетъ имѣть такой внѣшній исключительно-обрядовый и, такъ сказать, практически-бытовой взглядъ на христіанство вообще, и въ частности на міръ ангельскій, на святыхъ угодниковъ и на жизнь загробную,—отъ чего въ понятіяхъ нашего народа еще доселѣ природа и религія сливаются въ одно нераздѣльное представленіе, въ слѣдствіе котораго явленіе и перемѣны міра физическаго воплощаются въ разныхъ священныхъ лицахъ и событіяхъ, и т. д.

Выходя изъ всѣхъ вышесказанныхъ соображеній' мы составили и помѣстили въ П. Е. В. за 1875 годъ „*историческій очеркъ развитія славяно-русскаго язычества*“.

Мы надѣялись, что изъ этого очерка само собою ясно будетъ видно, гдѣ получили начало и какой имѣютъ смыслъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ извѣстныхъ суевѣрныхъ понятій и представленій,-на самомъ же дѣлѣ, какъ мы убѣдились изъ собственныхъ наблюденій, оказалось, что нашъ „историческій очеркъ“ остался для большинства читателей лишь отвлеченнымъ разсужденіемъ, примѣненіе котораго къ объясненію народныхъ суевѣрій и предразсудковъ инымъ и въ голову не приходило, у другихъ встрѣчало не мало затрудненій и вообще вело къ результатамъ не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Поэтому, чтобы нашъ очеркъ развитія славяно-русскаго язычества не остался только общимъ, отвлеченнымъ изслѣдованіемъ, построеннымъ чисто на теоретическихъ разсужденіяхъ, въ которыхъ особенно при извѣстной настроенности къ суевѣрному, при закоренѣлой привычкѣ такъ, а неиначе относиться къ извѣстнымъ явленіямъ, можно всегда если не доказать, то по крайней мѣрѣ заподозрить правильность нѣкоторыхъ выводовъ и заключеній, мы нашли полезнымъ, какъ бы въ дополненіе къ нему, обратиться въ настоящей статьѣ къ фактамъ и наблюденіямъ надъ жизнью современныхъ дикихъ племенъ, выходя изъ той мысли, что законы человѣческаго развитія въ общемъ повсюду и для всѣхъ одинаковы; почему изображеніе духовной жизни и понятій современныхъ дикихъ племенъ можетъ служить въ данномъ случаѣ прекрасною и наглядною иллюстраціею къ древнему міросозерцанію нашихъ предковъ,—можетъ служить какъ бы зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ тотъ путь развитія, по которому шли наши предки—славяне,—можетъ

служить съ большею пользою, что намъ такъ далеко ушедшимъ отъ своихъ предковъ и по времени, и по духовному развитію, безъ этого нагляднаго обращика, дѣйствительно, едвали будутъ понятны многія представленія изъ древне-славянскаго міросозерцанія,— укажемъ для примѣра хотя на древне-славянское представленіе стада коровъ подъ образомъ облаковъ, и ущерба или затмѣнія луны подъ образомъ пожиранія рогатаго скота волкомъ, и проч..... Кстати въ настоящее время такъ подробно и многосторонне изслѣдована жизнь разныхъ дикихъ племенъ во всѣхъ мѣстахъ земнаго шара, что становится возможнымъ съ точностію опредѣлить нетолько общій процессъ ихъ духовнаго развитія, но и то, какія первоначальныя идеи должны были возникнуть въ умѣ грубаго дикаря. При такомъ способѣ объясненія суевѣрій, показывающемъ, какъ слагались и развивались первоначальныя грубыя понятія и представленія, послужившія въ послѣдствіи источникомъ ложныхъ выводовъ и цѣлой массы предразсудковъ, при живыхъ и многочисленныхъ фактахъ, заимствованныхъ изъ жизни и быта современныхъ дикихъ племенъ, намъ кажется, уже не можетъ быть никакихъ недоразумѣній относительно смысла и значенія и нѣкоторыхъ современныхъ явленій изъ жизни и быта народнаго, не можетъ уже быть колебанія признавать или не признавать напримѣръ нелѣпость вѣрованія въ сны, примѣты, заговоры, гаданія и т. п. Кромѣ того, такой способъ объясненія можетъ быть въ высшей степени поучительнымъ и въ томъ отношеніи, что онъ въ весьма рельефной картинѣ покажетъ намъ, въ какомъ мракѣ заблужденій и какъ

безсильно и безнадежно бродитъ человѣческая мысль, предоставленная только самой себѣ безъ высшаго руководительства, и какъ въ самомъ дѣлѣ необходимо человѣку особенное Божественное Откровеніе для познанія истины.

Наблюдая современныя дикія человѣческія племена, живущія въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, ученые всѣ согласно замѣчаютъ въ нихъ неспособность къ продолжительному умственному напряженію и недостатокъ постоянной энергіи. Расположеніе духа у дикаря мѣняется безпрестанно, онъ постоянно переходитъ отъ одного чувства къ другому,—а подчиняясь всякому сильному впечатлѣнію безусловно, онъ быстро переходитъ отъ чувства къ самому дѣйствію, такъ что мы напрасно будемъ пытаться заранѣе опредѣлить его поступки; останавливаясь только на ближайшемъ, и, не умѣя взвѣшивать его съ отдаленнымъ, онъ отличается крайнею не предусмотрительностью. Что касается до его внѣшнихъ чувствъ, то онѣ отличаются большою тонкостью, почему впечатлѣнія міра дѣйствительнаго онъ воспринимаетъ живо и легко и даже достигаетъ большаго искусства въ тѣхъ простыхъ дѣйствіяхъ, которыя зависятъ отъ непосредственнаго руководства воспріятіемъ, каковы, напримѣръ, дѣйствія управленія лодкою, бросанія стрѣлъ изъ лука, и проч.; Но несмотря на сильное развитіе внѣшнихъ чувствъ и легкую воспріимчивость впечатлѣній, дающую дикарю возможность дѣлать ежеминутно множество простыхъ наблюденій, послѣднія не оставляютъ въ умѣ его никакихъ матеріаловъ для мысли, которая еще не пробудилась въ немъ. Въ самомъ дѣлѣ,

вызванный чѣмъ нибудь на размышленіе, дикарь скоро утомляется и не можетъ продолжать только что начатую умственную работу. Отсюда очевидна неспособность дикаря къ обобщеніямъ, къ образованію общихъ понятій, которое требуетъ вниманія напряженнаго и труда сложнаго, именно: *припоминанія*, *различенія*, *сравненія* и т. д... Безъ обобщеній же не можетъ возникнуть идея о причинномъ отношеніи явленій, о естественной необходимой связи ихъ; а пока эта идея невозникла, до тѣхъ поръ *нѣтъ* у человѣка *критеріума* для признанія чего либо *возможнымъ*, или *невозможнымъ*,—слѣдовательно, *нѣтъ границъ для легковѣрія* человѣка. По этой же причинѣ дикарю не можетъ быть знакомо *и разумное удивленіе* чему нибудь, такъ какъ онъ неимѣетъ еще тѣхъ общихъ представленій, съ которыми могло бы оказаться несогласнымъ это нѣчто новое, въ первый разъ имъ видимое; точно такъ же ему незнакома и *разумная любознательность*, такъ какъ желаніе знать, отъ чего происходитъ извѣстное явленіе предполагаетъ уже въ человѣкѣ существованіе *понятія о причинѣ*. Словомъ сказать, умъ дикаря похожъ на умъ ребенка, у котораго всѣ душевныя способности находятся какъ бы въ зародышѣ и ждутъ своего пробужденія современемъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что дѣятельность всякаго ума, отъ самыхъ нисшихъ до самыхъ высшихъ проявленій ея не въ чемъ другомъ состоитъ, какъ *въ классифицированіи предметовъ и отношеній*, основаніемъ котораго служитъ *сходство* ихъ съ другими предметами и отношеніями, знакомыми изъ прежняго опыта. Но правильная классификація возможна только въ томъ случаѣ, когда въ человѣкѣ

уже достаточно пробудилась мыслительная способность и развилась настолько, что стала въ состояніи умѣть обнимать цѣлыя группы свойствъ, отличающихъ разные предметы между собою, а равно и вытекающіе изъ этихъ свойствъ способы дѣйствія предметовъ,—почему при слабомъ развитіи мыслительной способности естественно должны являться и являются смутныя, сбивчивыя классификаціи предметовъ и дѣйствій, сдѣланныя по ихъ только внѣшнему, нерѣдко мнимому, обманчивому сходству. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ могутъ слагаться только понятія грубыя, слишкомъ простыя и немногочисленныя, а такъ же часто противорѣчащія другъ другу, и потому немогущія служить вѣрнымъ представленіемъ фактовъ. Если же все это такъ, т. е. если дѣйствительно основной принципъ дѣятельности всякаго ума человѣческаго таковъ, какимъ мы объяснили его выше; то не трудно будетъ опредѣлить, какія идеи раньше всего должны были явиться въ умѣ человѣка грубаго и дикаго, предоставленнаго самому себѣ, собственнымъ его силамъ и средствамъ познанія безъ всякаго посторонняго руководительства. Вотъ, напримѣръ, дикарь видитъ, что на небѣ то появляются, то изчезаютъ облака и тучи, звѣзды, луна и солнце, что на землѣ то появляется туманъ, то изчезаетъ, что вдругъ откуда нивозмись появляется невидимое движеніе вѣтра, которое точно такъ же невидимо или незамѣтно и прекращается... Что долженъ былъ онъ подумать объ этихъ явленіяхъ при первомъ пробужденіи мысли и сознанія? Не то ли, что будетъ слѣдовать изъ сопоставленія этихъ явленій съ другими, похожими на нихъ и знакомыми

ему изъ собственнаго опыта? Такимъ образомъ, находя въ этихъ явленіяхъ сходство съ явленіями, хорошо знакомыми дикарю изъ его опыта, именно,— съ изчезновеніемъ изъ виду людей, удалившихся на извѣстное разстояніе, или скрывшихся за другими предметами, такой человѣкъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій, къ которымъ онъ еще неспособенъ, естественно приходитъ къ заключенію что солнце, луна, вѣтеръ, туманъ и т. д. имѣютъ *два существованія*, одно видимое, а другое невидимое. Или, вотъ онъ видитъ собственную тѣнь на землѣ, вотъ онъ видитъ собственное отраженіе въ водѣ,—видитъ, что и тѣнь и отраженіе похожи на него самаго, что необходимо слѣдуютъ за нимъ при всѣхъ его движеніяхъ въ извѣстныхъ случаяхъ, и—этого уже достаточно для его младенческаго ума, чтобы признать въ собственномъ отраженіи и тѣни дѣйствительное реальное бытіе, тѣсно связанное съ его жизнію и движеніемъ— однимъ словомъ признать *другое такое же я*, которое можетъ быть какъ-то неизвѣстно для него *и видимымъ и невидимымъ*. Тутъ дикій человѣкъ впадаетъ въ такую же ошибку, въ какую впадаетъ ребенокъ, котораго вы забавляете, когда при помощи зеркала то вызываете на стѣнѣ свѣтлое пятно (такъ назыв. зайчикъ), то заставляете пропадать; обыкновенно при изчезаніи этого пятна ребенокъ спрашиваетъ: куда оно ушло, а при появленіи говоритъ: вотъ оно, опять пришло, думая, что оно такое же одушевленное существо, какъ онъ самъ и это потому только, что изчезновеніе и появленіе свѣтлаго пятна похоже на тотъ случай, когда уходитъ и снова приходитъ человѣкъ, или другое какое животное.—Удивительна-

го и непонятнаго тутъ нѣтъ, особенно если припомнимъ, что даже люди образованные могутъ такимъ путемъ впадать въ грубыя ошибки, дѣлая заключеніе о предметахъ, по ихъ мнимымъ, наружнымъ сходствамъ. Такъ напримѣръ, въ старыхъ англійскихъ сочиненіяхъ по естественной исторіи, по примѣру Аристотеля, названы рыбами киты, которые имѣютъ съ рыбами только то общее, что живутъ въ водѣ и имѣютъ рыбообразное тѣло. Или неудивимся ли мы сами, если о дельфинахъ, такъ любящихъ играть вокругъ парахода, намъ скажутъ, что они гораздо больше родственны собакамъ, чѣмъ рыбѣ (трескѣ) на которую они похожи, потому что имѣютъ теплую кровь и легкія, дышащія воздухомъ. Напомнивъ, къ какимъ ошибкамъ классифицированіе предметамъ по ихъ внѣшнимъ свойствамъ можетъ приводить людей болѣе или менѣе образованныхъ, легко понять, какимъ образомъ эскимосы шерстяную ткань одежды одного путешественника (Гайса) принимали за шкуру какого либо животнаго, въ чемъ разубѣдить ихъ не было даже возможности,—стекло принимали за ледъ, а сухари—за сушеное мясо мускуснаго быка. Точно такъ же понятно, почему Фиджійцы, никогда незнавшіе и невидавшіе никакихъ металловъ, увидя топоръ у путешественника Джексона, спросили его, какъ это онъ добылъ такой твердости топоръ, чтобы имъ можно было срубать тѣ деревья, изъ которыхъ сдѣланы стволы его ружей. Для нихъ трубкообразный тростникъ былъ единственнымъ предметомъ, на который походили ружейные стволы, и—вотъ является у нихъ заключеніе, что эти стволы суть такія же деревья, какъ и тростникъ. Эскимосы видя, что ко-

рабли Росса двигались безъ помощи веселъ, думали что это живыя существа; а по свидѣтельству Томсона, когда Новозеландцы увидѣли корабль Кука, плавно несомый попутнымъ вѣтромъ, приняли его за крылатаго кита. Бушмены (Андерсонъ) даже телѣгу считаютъ живою и думаютъ, что она нуждается въ пищѣ, потому что ея сложность, симметрія и самодвижущіяся колеса совершенно несогласимы со всѣми ихъ опытами по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ.

Кромѣ того, въ природѣ находится беечисленное множество такихъ явленій, которыя самымъ необходимымъ образомъ только еще поддерживаютъ и укрѣпляютъ въ извѣстныхъ заблужденіяхъ младенческую мысль дикаго человѣка. Такъ, напримѣръ, окаменѣлости,—камни, напоминающіе своимъ видомъ предметы животнаго царства, каковы, такъ называемые, змѣиные камни,—насѣкомыя, поразительно схожія съ камнемъ, съ древесной корой, съ древеснымъ листомъ и вѣтвію,—яйцо, превращающееся въ птицу, и проч.—все это неотразимо возбуждаетъ въ умѣ человѣка грубаго, неразвитаго мысль *о двойственномъ существованіи* предметовъ, *о превращеніяхъ въ веществѣ и формѣ*. Въ самомъ дѣлѣ, оглянемся внимательнѣе вокругъ себя и посмотримъ, сколько въ природѣ дѣйствительно находится явленій, которыя весьма естественно навязываютъ младенчествующему человѣку убѣжденіе, что вещи могутъ измѣняться нетолько со стороны составляющаго ихъ вещества, но и состороны своей формы. Взглянемъ, говоритъ по этому поводу одинъ ученый, напримѣръ на громадную разницу и въ формѣ, и въ существѣ между сѣ-

менемъ, и растеніемъ. Поглядимъ на этотъ орѣхъ съ его твердой бурой корой и бѣлымъ ядромъ, и спросимъ себя: какое основаніе мы имѣемъ ожидать, что изъ него скоро выйдетъ бѣлый сочный корешокъ, нѣжный ростокъ и зеленые листики? Въ молодости намъ сказали, что одно изъ нихъ выростаетъ изъ другаго, каковое объясненіе мы приняли голословно готовымъ и перестали удивляться этому явленію. Но стоитъ только наминуту задуматься о томъ, какая мысль должна была бы при этомъ возникнуть у насъ самихъ, еслибы возлѣ насъ небыло никого, ктобы могъ дать намъ это чисто лаконическое рѣшеніе, чтобы увидѣть, что эта мысль была бы мыслію о *превращеніи*. Голый фактъ, разсматриваемый независимо отъ всякой гипотезы, отъ всякаго посторонняго объясненія, заключается здѣсь въ томъ, что вещь, имѣющая извѣстную форму, величину и цвѣтъ, становится вещію, имѣющею совершенно отличную форму, величину и цвѣтъ. Тоже самое надобно сказать и о яйцахъ птицы. Лишь нѣсколько дней тому назадъ это гнѣздо содержало четыре и пять круглыхъ гладкихъ шариковъ, а сегодня вмѣсто нихъ въ немъ находится столько же маленькихъ птенчиковъ. Въ насъ воспитали идею, что яйца были *высижены*, и мы удовольствовались этимъ подобіемъ объясненія, но для ума, ненаполненнаго подобными обобщеніями своего или чужаго издѣлія, происхожденіе птенчиковъ изъ орѣховъ ни чуть не показалось бы болѣе страннымъ, чѣмъ происхожденіе ихъ изъ яицъ,—то есть, такой метаморфозъ, который мы теперь считаемъ невозможнымъ, былъ бы для него одинаково невозможенъ съ тѣмъ метаморфозомъ, который мы счита-

емъ естественнымъ въ слѣдствіе и близскаго знакомства съ нимъ. Припомнимъ, что въ народѣ, живущемъ въ приморскихъ странахъ, держится же убѣжденіе такого рода, будто морскія утки выводятся изъ раковинъ, называемыхъ *уткородками*. Но если мы обратимся къ міру насѣкомыхъ, то здѣсь увидимъ еще болѣе такихъ метаморфозъ, которые могутъ вести къ ложному заключенію еще съ большею убѣдительностью, чѣмъ предъидущія. Вотъ нѣсколько дней тому назадъ, скажемъ словами того же ученаго, дикарь видѣлъ на вѣтви, осѣняющей входъ въ его шалашъ гусеницу, подвѣшенную внизъ головою, а теперь на томъ же самомъ мѣстѣ виситъ вещь совершенно отличная отъ нея и по формѣ и по цвѣту— *хризалида*. Чрезъ недѣлю или двѣ изъ этой хризалиды выходитъ бабочка, оставивъ послѣ себя лишь тонкій пустой футляръ. Что могъ подумать тогда дикарь? Эти метаморфозы насѣкомыхъ, какъ мы ихъ называемъ, которыя мы объясняемъ себѣ какъ процессы развитія, въ глазахъ грубаго младенчествующаго человѣка представляются настоящимъ превращеніемъ въ точномъ смыслѣ слова; онъ принимаетъ ихъ за дѣйствительный переходъ одной вещи въ другую, совершенно отличную отъ прежней. Кромѣ того, въ природѣ есть очень много такихъ гусеницъ, жуковъ, моли и бабочекъ, которыя по наружности походятъ на тѣ предметы, которыми они бываютъ обыкновенно окружены. Одинъ жукъ, напримѣръ, такъ изумительно похожъ на кору того дерева, на которомъ онъ обыкновенно водится, что пока не придетъ въ движеніе, онъ бываетъ абсолютно невидимъ, такъ что первое его движеніе возбуждаетъ мысль, что это

просто кусокъ коры внезапно ожилъ и задвигался. Одинъ *долгоносикъ* имѣетъ такую окраску и форму, что когда онъ свернется, то превращается въ буроватый шарикъ, который совершенно не отличимъ отъ окружающихъ голышей изъ земляныхъ комочковъ; когда же онъ выйдетъ изъ своей неподвижности, то движеніе его имѣетъ такой видъ, какъ будто внезапно ожилъ одинъ изъ камешковъ. Такъ называемыя *насѣкомыя-трости*, когда они висятъ совершенно спокойно въ лѣсу, тоже совершенно невозможно отличить отъ древесныхъ вѣтвей и сучковъ. Къ этимъ удивителенымъ сходствамъ въ природѣ, ведущимъ къ обманамъ чувствъ, слѣдуетъ отнести такъ же Индійскій родъ бабочекъ Каллима, о которыхъ Уэллесъ говоритъ, что когда эти бабочки садятся на вѣтви, покрытыя засохшими листьями, то, сложивъ свои крылья, сами становятся похожими на сухой листъ, нетолько общею формой, цвѣтомъ, пятнами, но и тѣмъ, еще, что садясь, они складываютъ свои крылья такимъ образомъ, что отростки нижнихъ крыльевъ, сложенные вмѣстѣ, образуютъ изображеніе листоваго черешка. Поэтому когда такая бабочка вспархиваетъ, то производимое ею впечатлѣніе таково, что какъ будтобы одинъ изъ листьевъ превратился внезапно въ бабочку. Это впечатлѣніе еще усиливается, когда бабочка бываетъ поймана, на нижней поверхности сложенныхъ крыльевъ опять ясно видѣнъ срединный листовой нервъ; идущій прямо по срединѣ этого живаго листа отъ листоваго черешка до самой верхушки листка,—тутъ мы находимъ, говоритъ Уэллесъ, изображенія листьевъ на всѣхъ ступеняхъ завяданія,—эти живыя листья самымъ разнообразнымъ

образомъ покрыты пупырышками, разъѣдены ржавчиной и пробуравлены дырками, точно настоящіе сухіе и полузавядшіе листья; во многихъ же случаяхъ они бываютъ еще покрыты неправильнымъ образомъ порошковатымъ чернымъ налетомъ, тамъ и сямъ собраннымъ въ точки, крапинки и пятнышки, такъ сильно похожія на подушечки различныхъ микроскопическихъ грибковъ, растущихъ на мертвыхъ листьяхъ, что при первомъ взглядѣ никакъ невозможно удержаться отъ мысли, что сами бабочки подверглись нападенію дѣйствительныхъ грибковъ.— Подобныхъ явленій въ природѣ чрезвычайно много и дикарь естественно убѣждается, что каждая вещь можетъ переходить въ другую и имѣть двойственное существованіе, одно видимое, а другое невидимое.

П. Озерецкій.

(Продолженіе будетъ).

ДУХОВНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

„*Православное Обозрѣніе*". Мартъ. Изъ статей, названныхъ нами въ прошломъ обозрѣніи „Правосл. Обозр." въ настоящей книжкѣ печатается продолженіе статьи: „*Очеркъ жизни архимандрита Антонія, Намѣстника Святотроицкія Сергіевой Лавры*". П. С. *Казанскаго*. Во второй половинѣ очерка авторъ характеризуетъ служеніе арх. Антонія въ званіи Намѣстника Лавры: значеніе его служенія Лаврѣ; отношеніе къ митрополиту Филарету; характеристика его церковнаго служенія и бесѣдъ. О. Антоній 39 лѣтъ, въ полной крѣпости силъ вступилъ въ должность Намѣстника Лавры и болѣе сорока шести лѣтъ проходилъ эту должность.

Онъ засталъ въ Лаврѣ менѣе ста монаховъ и послушниковъ, доходы Лавры простирались до ста тысячъ ассигнаціями; изъ благотворительныхъ учрежденій существовала одна женская богадѣльня, убогую иконописную мастерскую посѣщали только два три человѣка. Какъ человѣкъ осторожный, съ тонкимъ умомъ и большимъ тактомъ, о. Антоній предварительно искалъ ознакомиться какъ съ состояніемъ Лавры, такъ и съ характеромъ лицъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Важнѣе всего для о. Антонія было пріобрѣсти довѣренность митр.—Филарета. При первой встрѣчѣ о. Антоній произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на Филарета и, какъ избранный самимъ митрополитомъ, онъ всегда могъ надѣяться на поддержку его. По уставу, Лавра управляется духовнымъ соборомъ, котораго намѣстникъ есть только первый членъ: Филаретъ вообще не любилъ коллегіальнаго управленія, при которомъ нѣтъ прямаго отвѣтственнаго лица; онъ желалъ, чтобы подъ его надзоромъ управленіе въ Лаврѣ сосредоточено былъ въ лицѣ намѣстника; въ этомъ отношеніи Антоній вполнѣ удовлетворялъ его желанію, имѣя въ характерѣ своемъ властительность и стремленіе дѣйствовать самостоятельно. Но эта же черта характера Антонія могла приводить его къ непріятностямъ; Филаретъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ исполнительности; онъ былъ строгій консерваторъ, не охотно рѣшался на нововведенія. Филаретъ, правда, уважалъ не согласныя съ своей идеей мысли и желанія подчиненныхъ начальниковъ, если они настойчиво домогались исполненія ихъ; но это давалось нелегко и не многіе рѣшались на-

стойчиво отстаивать свои желанія предъ Филаретомъ. „Онъ какъ бы обвелъ себя чертою, далѣе которой не позволялъ приближаться къ себѣ и довѣреннымъ лицамъ изъ подчиненныхъ ему..... При глубокомъ критическомъ умѣ онъ отъ дѣтства до могилы сохранилъ дѣтсткую вѣру; при строгости и малодоступности къ подчиненнымъ, при величавости въ оффиціальныхъ отношеніяхъ онъ былъ простъ въ домашней жизни и искренно смиренъ въ мнѣніи о себѣ.... Въ завѣтной чертѣ, которою онъ оградилъ себя какъ начальникъ, была тропа, которою можно было пройти прямо до его сердца,—онъ былъ монахъ“. Въ частной жизни онъ охотно становился въ ряды послушниковъ, съ благоговѣніемъ слушалъ лицъ, которыхъ считалъ высокими въ духовной жизни. Съ этой стороны нашелъ близкій и скорый доступъ къ сердцу Филарета Антоній, именно какъ къ монаху. Антоній услаждалъ митрополита своими увлекательными разсказами о подвижникахъ; самъ въ душѣ глубоко искренній монахъ, онъ часто порывами духа стремился сблизиться съ міромъ избранныхъ подвижниковъ, идти ихъ путемъ къ царствію небесному. Между Антоніемъ и Филаретомъ всегда велась дѣятельная переписка и письма перваго о подвижничествѣ были напечатаны по желанію митрополита. Скоро Филаретъ избралъ о. Антонія своимъ духовнымъ отцомъ и послѣ этого сношенія ихъ стали еще ближе и искреннѣе: „Тя рекохъ друга давно въ расположеніи сердца моего, пишетъ Филаретъ Антонію, когда же провидѣніе Божіе устроило, что тя рекохъ и отца въ таинствѣ, то уже твоей душѣ остается рещи, до какой степени хочетъ она не чуждаться

уничиженной моей души". Но при всей дружбѣ Филаретъ настойчиво требовалъ чтобы о. Антоній безъ его вѣдома и предварительнаго разрѣшенія не дѣлалъ ничего, подвергалъ подробному обсужденію всякое его предположеніе, противорѣча большею частью проэктамъ нововведеній, требуя въ дѣлахъ соблюденія формальности, которой не любилъ и съ которой даже мало былъ знакомъ о. Антоній; только осторожностію и разсчитаннымъ образомъ дѣйствованія объясняется какъ о. Антоній, человѣкъ съ живымъ характеромъ и постоянно стремившійся къ нововведеніямъ, могъ пользоваться расположеніемъ Филарета не охотно мирившагося съ такими характерами. По управленію монастыремъ, въ дѣлахъ, не выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка, о. Антоній былъ полнымъ хозяиномъ Лавры; онъ обставилъ себя людьми, которые безприкословно ему повиновались; самъ входилъ во всѣ подробности управленія, такъ что буквально ни одного гвоздя нельзя было вбить въ Лаврѣ безъ его позволенія, не мыслимо было, чтобы его приказанія не исполнялись.

Любовь и уваженіе посѣтителей Лавры о. Антоній пріобрѣлъ заботливостію о благолѣпіи ея, сановитостію совершаемаго имъ богослуженія и особенно своимъ даромъ слова. Въ церковной службѣ о Антоній былъ не утомимъ, ходилъ за всѣ службы въ будничные дни, къ утрени, которая начинается въ три часа, онъ почти всегда приходилъ до благовѣста. Онъ любилъ всякому богослуженію придавать торжественный видъ, такъ что и совершаемое имъ погребеніе принимало характеръ праздничной службы. О. Антоній учредилъ въ Лаврѣ нѣкоторыя новыя

молитвословія; много потрудился онъ для лаврской ризницы, такъ что въ его время до 40 священниковъ могли выходить для служенія въ одинаковыхъ облаченіяхъ, имъ были возобновлены и украшены всѣ церкви Лавры. О. Антоній обладалъ увлекательнымъ даромъ слова и въ своихъ бесѣдахъ обнаруживалъ обширныя свѣдѣнія и мудрость сужденій, не зная его прошлаго, можно было подумать, что онъ получилъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ заведеній. Близость къ митрополиту дѣлала ему извѣстными всѣ церковныя дѣла; сближеніе съ старшею братіею академіи давало ему случай знакомиться съ движеніемъ духовной науки: бесѣда съ посѣтителями Лавры всякаго рода сообщала ему многообразныя свѣдѣнія о движеніи жизни политической, гражданской, общественной и духовной. Имъ собрана своя довольно значительная библіотека, еще при жизни отданная имъ Лаврѣ. Рѣдко можно встрѣтить такое выразительное лицо, какъ было лицо о. Антонія. Всякое душевное движеніе привыкшій къ нему могъ прочитать на его лицѣ, хотя бы онъ и усиливался скрыть его. Обороты рѣчи его имѣли своеобразный характеръ, у него были всегда оригинальныя, мѣткія, типическія выраженія; былъ ли онъ среди свѣтскаго общества, или среди академическаго ученаго, онъ всегда первенствовалъ въ словѣ и его слово всегда достигало своей цѣли,—оно заставляло его слушателей смѣяться и плакать.

„*Старокатолическое движеніе* свящ. *М. М. Воздвиженскаго.* Года два три назадъ старокатолическое движеніе сильно интересовало русское общество, книжки духовныхъ журналовъ были переполнены извѣстіями

объ этомъ движеніи и статьями по поводу его. Тогда думали, что старокатолическое движеніе создаетъ почву для соединенія церквей, что вѣковыя преграды, раздѣляющія церкви, будутъ разрушены этимъ движеніемъ. Но эти надежды не осуществились, рѣже и меньше стали говорить объ этомъ движеніи; „теперь является возможность отнестись къ старокатолическому движенію, какъ явленію прошлому, т. е. хладнокровно и безпристрасно, не увлекаясь надеждами и разнаго рода упованіями и не закрывая ради нихъ глаза на разнаго рода обмолвки и недомолвки". Брошюра Овербека, содержаніе которой излагаетъ Воздвиженскій, выполняетъ именно эту задачу. Старокатолическое движеніе возникло со времени Ватиканскаго собора, на которомъ римская курія вынудила у собора утвержденіе догмата папской непогрѣшимости. Въ самомъ началѣ оппозиція этому догмату была очень сильная, но при усиліяхъ куріи, ряды ея скоро стали рѣдѣть, мужество покинуло самыхъ, по видимому, неустрашимыхъ членовъ оппозиціи, только небольшое число лицъ рѣшилось довести дѣло до конца и не согласиться на постановленія Ватиканскаго собора. Партія этихъ несогласившихся и положила начало старокатолическому движенію. При первомъ своемъ появленіи старокатолики привлекли къ себѣ общее сочувствіе. Церкви, отдѣленныя отъ Рима, сочли своимъ долгомъ поспѣшить на помощь къ старокатоликамъ, ободрить, укрѣпить ихъ и, главное предложить имъ пріютъ и успокоеніе въ своемъ лонѣ. Римъ поспѣшилъ произнести отлученіе на старокатоликовъ и они, волею не волею, должны были прервать всѣ сношенія съ

католическою церковiю. Послѣ этого католицизмъ сталъ на распутiи. „Дорога, по которой ему слѣдовало идти, расходилась въ разныя и притомъ противоположныя стороны. Направо лежало православiе, налѣво разбѣгающiяся также въ разныя стороны дорожки протестантизма. Ему оставалось или держаться направленiя направо или налѣво, или проложить свою собственную дорогу“ Такое положенiе старокатолицизма было ненормальное: ему нужно было присоединиться къ какой либо изъ существующихъ церквей, или образовать изъ себя отдѣльную церковь. Первыя движенiя старокатоликовъ устроить новое общество произвели между православными отрадное впечатлѣнiе; казалось, что реформа, предпринимаемая ими направляется въ сторону не протестанства, а православiя. На этомъ основанiи многiе ухватились за мысль оказать посильное содѣйствiе этому дѣлу; этимъ объясняются тѣ привѣтствiя, и пожеланiя успѣха, которыми встрѣчены у насъ были извѣстiя объ открытiи старокатолическихъ конгрессовъ. Ожидаемое единенiе церквей православные представляли себѣ не въ формѣ безслѣднаго слитiя старокатоликовъ съ православными, не въ формѣ безусловнаго отреченiя отъ всего, на чемъ лежитъ печать церковной жизни запада,—нѣтъ, единенiе церквей съ точки зрѣнiя православной церкви возможно только подъ условiемъ или отреченiя отъ догматовъ неизвѣстныхъ древней церкви, если таковые гдѣ либо содержатся, или принятiя догматовъ содержимыхъ ею, если таковые гдѣ либо перестали быть содержимыми. Православнымъ чужда была мысль заставить старокатоликовъ сдѣлаться вполнѣ членами греческой,

русской или какой либо другой восточной церкви, они надѣялись встрѣтить въ нихъ готовность присоединиться *къ православію*. Къ числу существенныхъ вопросовъ, которые должны были подлежать обсужденію между старокатоликами и православными, относится вопросъ о существѣ самой церкви и о томъ понятіи, которое должно быть соединяемо съ этимъ словомъ, а также вопросъ объ объемѣ и содержаніи церковнаго ученія, какъ одной изъ существенныхъ принадлежностей церкви. „Старокатолики, говоритъ Овербекъ, признаютъ источникомъ вѣры св. писаніе и св. преданіе. Значитъ они отвергаютъ субъективный произволъ протестанскаго толкованія писаній; но еще остается субъективный произволъ въ толкованіи отцовъ церкви, который не менѣе опасенъ. Дѣйствительно, нѣтъ ереси, которая бы не пыталась опереться на пару—другую отеческихъ мѣстъ". Эти вопросы объ отношеніи къ преданію небыли твердо установлены старокатоликами.

Неудачный исходъ сношеній старокатоликовъ съ православными по вопросу о соединеніи церквей авторъ объясняетъ слѣдующими соображеніями: съ давнихъ поръ на западѣ въ отношеніи „къ восточно-православной церкви утвердились многіе предразсудки; къ числу такихъ предразсудковъ относится прежде всего мнѣніе, „будто восточное православіе находится въ узахъ догматическаго оцѣпенѣнія и омертвенія, обрекшаго его на застой и неподвижность. Людямъ запада, привыкшимъ къ шатаніямъ ума, представляется оцѣпенѣніемъ твердость, устойчивость и непоколебимость, свойственная тому, что есть непреложная истина". Мораль восточно-православной

церкви упрекаютъ въ убійственномъ формализмѣ, который не даетъ простора свободному проявленію религіознаго чувства, который порождаетъ духъ самодовольной замкнутости, не чувствующей потребности подѣлиться съ другими плодами благочестія. Всѣ подобныя заблужденія основываются на поверхностномъ наблюденіи, на неосновательномъ приписываніи вліянію церкви того, что есть слѣдствіе отчасти историческихъ условій жизни восточныхъ народовъ, отчасти личныхъ особенностей, особаго склада и строя восточнаго духа, для которыхъ непонятны и смѣшны сценическія выраженія религіознаго чувства. Къ числу этихъ заблужденій относится также представленіе запада о подчиненіи восточной церкви государству, о главенствѣ царя надъ церковью, о несамостоятельности церковной жизни. Ошибочность этого мнѣнія доказана уже съ надлежащею ясностію, но нельзя думать, чтобы отъ него сразу отказались люди, которые выросли и воспитались въ убѣжденіи, что церковь должна имѣть свой собственный центръ, не зависимый отъ государства, какимъ центромъ служитъ для запада папство. Ложное опасеніе, какъ бы предпочтеніемъ православной церкви невыразить своего предпочтенія непросвѣщенному Востоку предъ цивилизованнымъ Западомъ, какъ бы не отказаться отъ плодовъ европейской цивилизаціи-прогресса XIX вѣка, — все это помогло не оказывать вліянія на характеръ дѣйствій заправителей старокатолическимъ движеніемъ, отсюда ихъ нерѣшительность, уклончивость и даже неисправность по отношенію къ православнымъ.

Старокатолики, далѣе, не могли сразу порвать

вполнѣ узы съ западною церковью, отказатся отъ особенностей ея догматическаго ученія. Отринувши ватиканскій догматъ о непогрѣшимости папы, старокатолики не хотѣли отказаться отъ римскаго ученія о главенствѣ папы; столь же усердно они отстаивали догматъ западной церкви объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына; даже въ виду сознанной невозможности защитить эту прибавку въ символѣ, они хотѣли удержать ее ради ея древности. Чѣмъ всего болѣ старокатолики скомпроментировали свое дѣло въ глазахъ истинно-православныхъ, это-сближеніемъ съ представителями англиканства, готовностію пойти на уступки, въ видахъ облегченія этого союза. Пока православные думали, что старокатолики твердо держатся всѣхъ тѣхъ догматовъ, въ отношеніи къ которымъ латинская церковъ согласно учитъ съ православною, до тѣхъ поръ они съ одушевленіемъ и искренностію посѣщали собранія старокатоликовъ, но ближе всматриваясь въ дѣло они увидали, что они ошиблись, потому что старокатолики, отбросили то, что было общею почвою для православной и римско-католической церкви и восприняли въ себя протестанскіе элементы. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ Овербекъ, мы стояли ближе къ соединенію въ 1870 году чѣмъ теперь, и весьма вѣроятно, что въ 1880 году, мы будемъ еще дальше отъ него чѣмъ теперь". Общій выводъ изъ брошюры Овербека о старокатолическомъ движеніи такой: это движеніе не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя въ свое время возлагалисъ на него. Вина ничтожности результатовъ этаго движенія падаетъ на тѣхъ, которые стояли во главѣ этого движенія. Своею нерѣшительностію они затор-

мозили успѣхъ этаго движенія; своею неискренностію они подорвали довѣріе къ этому движенію. Не увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ, готовность отказаться отъ того, что говорено было вчера, невольно роняли значеніе самой идеи; сознательно или безсознательно, но раздумье закрадывается въ душу человѣка, когда оно задаетъ себѣ вопросъ, быть или небыть ему старокатоликомъ, и причиною этого раздумья—неувѣренность руководителей. Вообще старокатолическое движеніе показало, что еще непришло время для соединенія церквей. Въ сознаніи западныхъ христіанъ еще невполнѣ созрѣло желаніе возвратиться въ лоно вселенской церкви. Утѣшительно въ этомъ случаѣ только то, что ученые представители западнаго христіанства сознались по крайней мѣрѣ въ неправильности нѣкоторыхъ догматическихъ разностей, допущенныхъ католическою церковью. „Еще много остается недоразумѣній, недомолвокъ, взаимнаго недовѣрія, но на первый разъ.... и сего довольно“.

Другія статьи мартовской книжки „Прав. Обозр.“: „*Введеніе въ догматическое богословіе* (важность и значеніе догматовъ) *Гусева*. „*Русская церковноисторическая литература*. Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Изслѣд. прот. Иванцова—Платонова. Свящ. *Смирнова* „*Отзывъ нъмецкаго ученаго о русской книгъ*“. *Памяти заслуженнаго профессора московской духовной академіи П. С. Казанскаго*“.

Съ мартовской книжки „Правосл. Обозр.“ начали печатать всѣ публичныя лекціи Вл. С. Соловьева „о богочеловѣчествѣ“, прочитанныя въ С.-Петербургскомъ Отдѣлѣ „Общества любителей духовнаго просвѣщенія“, но отчетъ объ этихъ чтеніяхъ мы отложимъ до слѣдующаго раза.

О возрастѣ, въ которомъ дѣвицы могутъ поступать въ женское епарх. училище.

По § 72 „Устава епарх. женскихъ училищъ", поступать въ училище могутъ дѣвицы не моложе 9-ти лѣтъ. Держась буквы этого параграфа устава, многіе отцы стараются непремѣнно помѣстить своихъ дочерей въ училище, какъ только онѣ достигнутъ 9-ти лѣтняго возраста. Не рѣдко случается даже, что училищный Совѣтъ просятъ о принятіи такихъ дѣвицъ, которымъ нѣтъ и 9-ти лѣтъ. „Не все ли равно—говорятъ—поступитъ ли въ училище дѣвочка ровно 9-ти лѣтъ, или 3—4 мѣсяцами моложе?" Но опытъ показываетъ, что въ этомъ возрастѣ весьма многія дѣвицы бываютъ слишкомъ мало развиты физически и умственно, чтобы съ успѣхомъ могли начать и проходить училищный курсъ обученія разнымъ предметамъ, требующимъ въ извѣстной мѣрѣ развитія, сосредоточеннаго вниманія и памяти. Совѣтъ не имѣетъ основанія отказывать въ пріемѣ девятилѣтнимъ воспитанницамъ, лишь бы онѣ, по требованію устава, умѣли читать по русски и знали общеупотребительныя молитвы, и лишь бы врачъ призналъ таковыхъ воспитанницъ здоровыми. Но поступивъ въ училище, дѣвицы 9-ти лѣтъ на первыхъ же порахъ являются въ большинствѣ случаевъ слабѣе и разсѣяннѣе, чѣмъ тѣ, которыя старше ихъ однимъ или двумя годами. Въ нашемъ училищѣ почти всѣ малоуспѣшныя воспитанницы обязаны своими слабыми успѣхами почти исключительно тому, что эти воспитанницы слишкомъ молоды въ сравненіи съ своими соученицами. Не рѣдко бываетъ такъ; что младшія дѣвицы въ теченіе всего училищнаго курса не могутъ сравнять-

ся по успѣхамъ съ своими соученицами, а потому выходятъ изъ училища не только слишкомъ молодыми (15 лѣтъ), но и неуспѣвшими получить умственнаго развитія въ такой степени, въ какой онѣ могли бы развиться, если бы поступили въ училище по крайней мѣрѣ, годомъ позже (то есть 10 лѣтъ). Конечно, можно было бы оставлять сравнительно молодыхъ и недостаточно успѣвающихъ воспитанницъ на повторительные курсы въ одномъ и томъ же классѣ, но въ трехклассномъ училищѣ, каково доколѣ пензенское, практиковать эту мѣру неудобно, такъ какъ воспитанницамъ приходилось бы оставаться на *два года* въ одномъ и томъ же классѣ. Впрочемъ, если училище будетъ имѣть и шесть классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ, то и тогда вовсе не желалось бы оставлять на повторительные курсы воспитанницъ, которыя оказываются малоуспѣшными потому только, что поступаютъ въ училище въ слишкомъ раннемъ возрастѣ. Вопервыхъ, оставленіе воспитанницъ въ одномъ и томъ же классѣ на повторительный курсъ вводитъ родителей въ лишніе расходы, которыхъ многіе отцы, можетъ быть, избѣгли бы, если бы дочери ихъ поступили въ училище не раньше 10 лѣтъ. Во вторыхъ непрерывное и систематическое обученіе, начатое преждевременно, часто сопровождается неблагопріятными послѣдствіями на физическомъ и даже умственномъ развитіи учащихся, слѣдовательно—лишній годъ, проведенный воспитанницею въ училищѣ, можетъ послужить не въ пользу, а во вредъ ей *). Напрасно, поэтому, нѣко-

*) См. „Отчетъ о состояніи пензенскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства въ учебномъ отношеніи за 187⁶/₇ учебный г.“—въ „Пенз. Еп. Вѣд.“ за текущій г., № 1, ч. оффиц.

торые отцы слишкомъ спѣшатъ опредѣленіемъ своихъ дочерей въ училище, и не на школѣ, а на нихъ будетъ лежать вина, если дочери ихъ, вынужденныя начать трудное дѣло съ недостаточно окрѣпшими силами, выйдутъ изъ училища и безъ крѣпкаго здоровья и безъ достаточнаго умственнаго развитія.

Вредъ, получаемый дѣвицами вслѣдствіе преждевременнаго поступленія въ школу, сознанъ и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ. Въ № 13-мъ „Пензенскихъ Епарх. Вѣдомостей" за текущій годъ (въ оффиц. части) напечатано утвержденное (3—17 мая 1878 года, за № 686) Св. Синодомъ заключеніе Учебнаго Комитета, которымъ (заключеніемъ) въ виду послѣдовавшихъ заявленій со стороны совѣтовъ, нѣкоторыхъ епархіальныхъ училищъ о томъ, что многія воспитанницы, поступающія въ училища 9 лѣтъ не успѣваютъ слѣдовать за курсомъ наравнѣ съ сверстницами, поступающими въ училища годомъ или двумя старше ихъ, предоставляется совѣтамъ право принимать только такихъ дѣвицъ, которыя удовлетворяя условіямъ § 78 уст. вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ достаточнымъ физическимъ и умственнымъ развитіемъ для безпрепятственнаго слѣдованія за курсомъ, тѣхъ же дѣвицъ, которыя, будучи приняты въ училище, по молодости лѣтъ затрудняются слѣдовать за курсомъ наравнѣ съ сверстницами, предписывается непремѣнно оставлять на повторительные курсы. Нельзя не поблагодарить Учебный Комитетъ за предоставленіе совѣтамъ женскихъ епарх. училищъ права, строгое и неуклонное пользованіе которымъ можетъ повести къ значительному сокращенію малоуспѣшныхъ воспитанницъ. Но—конечно—

лучше, если сами родители не будутъ ставить училищныя начальства въ непріятную необходимость отказывать въ пріемѣ слишкомъ молодыхъ воспитанницъ, чтобы потомъ не пришлось оставлять ихъ на повторительные курсы. Доколѣ наше училище остается трехклассным, съ двухгодичными курсами, отцы, старавшіеся опредѣлить своихъ дочерей въ училище непремѣнно по достиженіи ими 9 лѣтъ, могли руководствоваться тѣмъ соображеніемъ, что въ случаѣ, если дочери ихъ не поступятъ въ школу 9 лѣтъ, имъ придется начать дѣло школьнаго обученія нѣсколько поздно, именно—11 лѣтъ (хотя, по нашему мнѣнію, и этотъ возрастъ не можетъ считаться позднимъ для начатія учебныхъ занятій, особенно по отношенію къ дѣвицамъ, не пользующимся крѣпкимъ здоровьемъ). Но если предстоящій (въ концѣ іюня) общеепархіальный съѣздъ духовенства положитъ преобразовать женское училище въ шестиклассное съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ, тогда отцы будутъ имѣть полную возможность представлять въ училище своихъ дочерей не ранѣе *десяти* (10) лѣтъ, что весьма желательно было бы и въ цѣляхъ училища и въ интересахъ воспитанницъ.

Посѣщеніе г. Пензы Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Въ ночь съ 3-го на 4-е іюня, съ поѣздомъ желѣзной дороги прибылъ въ Пензу Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, сенаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Въ вокзалѣ Его Сія-

тельство встрѣченъ былъ, кромѣ многихъ свѣтскихъ лицъ, начальниковъ учебныхъ заведеній, о. каѳедральнымъ протоіереемъ Ѳ. М. Пантелѣевскимъ. о. ректоромъ духовной семинаріи, прот. С. В. Масловскимъ, и о. инспекторомъ, прот. Іак. Петр. Бурлуцкимъ, смотрителемъ дух. училища, прот. К. Ѳ. Смирновымъ и Секретаремъ Консисторіи. Послѣ праздника св. Троицы (4-го Іюня) и дня св. Духа (5-го), Графъ съ 6-го по 8-е іюня включительно изволилъ осматривать духовныя и свѣтскія учебныя заведенія въ Пензѣ. Въ дух. семинарію Его Сіятельство пожаловалъ 6-го числа около трехъ часовъ по полудни. Графъ, сопровождаемый о. инспекторомъ семинаріи, внимательно осмотрѣлъ церковь, классы, а также помѣщеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, ихъ столовую, спальни и библіотеку. По осмотрѣ семинарскихъ зданій Его Сіятельство замѣтилъ, что главный корпусъ хорошъ, но имѣетъ свои неудобства: онъ стоитъ на бойкомъ мѣстѣ, что конечно—не можетъ считаться благопріятнымъ условіемъ для хода учебныхъ занятій, требующихъ тишины и спокойствія, затѣмъ при семинаріи нѣтъ сада, который былъ бы весьма желателенъ, чтобы воспитанники могли пользоваться чистымъ и здоровымъ воздухомъ. Графъ высказалъ, что новое мѣсто, пріобрѣтенное для семинаріи и находящееся за городомъ, мѣсто, которое онъ самъ осматривалъ, обѣщаетъ больше удобствъ какъ въ учебномъ такъ и въ гигіеническомъ отношеніяхъ. Въ среду, 7-го іюня, въ покояхъ Его Преосвященства имѣли счастіе быть представленными Архипастыремъ Г. Оберъ-Прокуреору Св. Синода лица, служащіе при семинаріи, духовномъ училищѣ и консисторіи, послѣ чего радушнымъ хозяиномъ предложена была ѣмъ общая закуска. Около 5-ти часовъ вечера того же 7-го іюня Его Сіятельство посѣтилъ женское епархіальное училище

гдѣ онъ встрѣченъ былъ о. предсѣдателемъ училищнаго Совѣта, начальницею, и д. инспектора классовъ и предсѣдателемъ коммиссіи по постройкѣ новаго училищнаго дома. Графъ осматривалъ какъ существующее, такъ и новостроющееся училищныя зданія.

Всѣ воспитанницы училища, при посѣщеніи Его Сіятельства, собрались въ залѣ. Графъ спросилъ, сколько всѣхъ воспитанницъ въ училищѣ, изъ какихъ уѣздовъ онѣ, сколько воспиттанницъ оканчиваютъ курсъ, сколько изъ нихъ городскихъ и сельскихъ. „Мнѣ пріятно видѣть училище и васъ, сказалъ Графъ воспитанницамъ. Но экзаменовать васъ не буду, не потому, чтобы не желалъ этого, а потому, что вы оробѣете. Не такъ ли? сросилъ Графъ одну самую молодую и маленькую воспитанницу 1-го класса, Снѣжницкую. „Хотите—сей часъ буду экзаменовать васъ по всѣмъ предметамъ?“ Вопросъ былъ сдѣланъ такъ просто и ласково, что воспитанница не съ робостію, а съ смѣлою улыбкою отвѣчала: „хотимъ“.—„Храбрятся онѣ“—шутливо замѣтилъ Графъ. Въ исходѣ 6-го часа Его Сіятельство простился съ училищемъ, оставивъ по себѣ самую добрую память.

Свѣтскія учебныя заведенія почти всѣ посѣщены Г. Министромъ. Описаніе этихъ посѣщеній можно читать въ іюньскихъ номерахъ „Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. 8-го іюня съ вечернимъ поѣздомъ желѣзной дороги Графъ Дмитрій Андреевичъ выѣхалъ изъ Пензы. Желавшихъ проводить Его Сіятельство собралось въ вокзалѣ такъ много, что нѣкоторымъ, при всемъ желаніи, не удалось даже видѣть Графа, чтобы проститься съ рѣдкимъ и дорогимъ гостемъ.

Н. С—въ.

РУССКАЯ ГАЗЕТА

политическая, общественная, литературная и экономическая.

Выходитъ ежедневно въ форматѣ большаго листа, кромѣ дней послѣпраздничныхъ и пятницы, въ которые читатели получаютъ особыя прибавленія въ размѣрѣ полулиста съ телеграммами, иностранными извѣстіями, военными извѣстіями и другими текущими новостями. Со втораго полугодія въ „Русской Газетѣ" начнется печатаніе **путешествія по Россіи** подъ названіемъ *„путешествіе внутрь страны"* **русскаго Ливингстона.** Съ втораго же полугодія будетъ помѣщаться и обзоръ московскихъ художественныхъ галлерей, музеевъ и другихъ памятниковъ искусства *Н. А. Александрова.*

Годовые подписчики на 1878 годъ въ **видѣ преміи** получатъ безплатно въ два тома на лучшей бумагѣ **карту военныхъ дѣйствій** и портреты **героевъ войны**, что будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ 2 руб., *подписчики же втораго полугодія* получаютъ одну изъ означенныхъ премій.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на 12 мѣсяц. **8** р., —11— **7** р. **50** к.,—10— **7** р.,—9— **6** р. **25** к., —8— **5** р. **75** к.,—7— **5** р.— **6**— **4** р. **25** к.,— 5— **3** р. **75** к.,— **4**— **3** р. **35** к.,— **3**— **2** р. **50** к.,— **2**— **2** р.,— **1**— **1** р. **15** к.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Арбатъ д. Лазарика, № 2.)

Подписка на „Русскую Газету" не принимается съ половины мѣсяца, такъ какъ и редакція платитъ въ почтамтъ за цѣлый мѣсяцъ, а потому, въ случаѣ требованія таковой подписки, редакція высылаетъ нумера, вышедшіе за весь мѣсяцъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено цензурою. Пенза, 1 іюля 1878 г.
Цензоръ, ректоръ семинаріи, протоіерей **С. Масловскій.**

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.